

Заключительное слово докладчика

С.Г. Кара-Мурза

Во-первых, интересно было узнать «архетипы и стереотипы» всех выступавших. Теперь конкретно по выступлениям.

А.В. Бузгалин сказал, что цивилизационный подход неадекватен для изучения проблем России «в силу своей неопределенности и трудности». Мол, искать надо там, где светло, а не там, где потеряли. Что ж, это его методологический выбор. Многие его поддержат, но не все.

Он сказал, что лучше было бы рассуждать «не с позиции цивилизационного подхода». Допустим. Но ведь в разосланных накануне тезисах доклада в первой же строке сказано: «Примем как постулаты следующее: 1. Россия — одна из больших локальных цивилизаций со всеми необходимыми атрибутами...». К чему же все выступление *А.В. Бузгалина*, если он отказывается принять постулат, в рамках которого только и имеет смысл весь доклад? Отказывается — и сам этого не замечает! Так «человек Ренессанса» не поступал...

Бузгалин утверждает, что между Россией и Западом «нет серьезных различий». Да он под своим фонарем и не мог их заметить, поскольку формационный подход эти различия из своих моделей исключает. К чему тогда сетовать на то, что в докладе эти различия не были раскрыты? Это ведь совсем другая тема, но и она имеет смысл только в рамках того же постулата: «Если Россия — цивилизация, то в чем ее главные отличия от...?»

А.В. Бузгалин уверен, что никакой «соборной личности» не существовало, что русский человек ничем не отличается от американца и «нам надо восстанавливать не соборного человека, а личность ренессансной культуры» и не «опираться на идеи Бердяева, Булгакова, Данилевского и кого-либо еще». Мол, Шекспир и Гомер все сказали.

Все это неубедительно и даже странно.

Странно и то, как А.В. Бузгалин увязал доклад с актуальным моментом: «аргументация Уго Чавеса на 90% сходна с аргументацией докладчика». Ну и что? Почему такая неприязнь к движению, которое поставило своей целью хоть частично перенаправить национальное богатство на устранение крайней несправедливости? Почему в этом сразу видится нечто реакционное и противное «Ренессансу»?

А.В. Бузгалин считает, что Чавес использует риторику национальных интересов потому, что «это лучше принимается обществом». Мол, хитрый популист потакает мышлению отсталых венесуэльских масс. Может быть, так и есть — ведь А.В. Бузгалин «четыре раза бывал в Венесуэле» и проник в тайны их «загадочной души». Но у меня есть более правдоподобная версия: Чавес просто любит свой народ и, прежде всего, массу его простонародья. Получив власть, он пытается ее использовать во благо этому народу и, думаю, верит, что это лишь поможет модернизации. «Руки Москвы» там нет, но историю СССР там знают. И к нынешней России он тянется потому, что, несмотря на все ее «гримасы капитализма», все чувствуют ее «инвариантное цивилизационное ядро», наличие которого отрицает А.В. Бузгалин. Тут у нас — фундаментальное расхождение.

Наконец, обвинение в том, что «поиск ответов в особенностях российской цивилизации ориентирован на ностальгию по тем скрепам, которые были характерны для Российской империи и советского общества».

Допустим, что так (хотя я с этим утверждением не согласен). Но что А.В. Бузгалин видит в этом удивительного? Российская империя и СССР были формами, в которых надежно жила и достигала расцвета наша цивилизация. Как же нам не вспоминать их с ностальгией, хоть они и соскользнули в кризис? Что в этом реакционного?

Цивилизация — культурная духовная конструкция, принадлежность к ней — вопрос самосознания. Если сам он не

считает Россию цивилизацией, так мы и не ожидаем от него ностальгии. Почему Бузгалин квалифицирует как нечто предосудительное ностальгию у того большинства, в сознании которого Россия — цивилизация?

В выступлении *А.Н. Окары* большинство рассуждений слишком сложны для меня. Я с трудом улавливал их смысл и останавлиюсь только на однозначных (насколько я уловил) тезисах. Он говорит о той матрице, на которой сложилась наша цивилизация: «То ли она основана на культуре и религии, то ли на вполне материальных факторах, таких как организация хозяйства или социальности?».

Я удивлен. Разве организация хозяйства и социальности не есть часть культуры? Разве они не сложились под влиянием религии? Впервые слышу, чтобы эти сферы противопоставлялись друг другу. Все эти блоки входят в центральную мировоззренческую матрицу любой цивилизации и тесно взаимодействуют в ней. Как можно вырвать русскую поземельную общину, важный цивилизационный признак, из этого контекста — «православие или община»? Хозяйство, как часть культуры, даже более «пропитано» этническими и цивилизационными особенностями, чем, например, литература.

Окара считает, что слова «российская цивилизация» и «историческая Россия» — метафоры и не годятся для научных рассуждений.

Меня все это удивляет, прощу прощения. Я раньше не был в таких собраниях и многое мне в диковинку. Неужели Окара считает, что «атом» или «вакуум» — не метафоры, а истинные имена, данные нам в Откровении и потому признанные наукой? Это именно метафоры, да к тому же совершенно неправильные («атом», т. е. «неделимый», в действительности непрерывно «делится» с другими атомами и средой). И ничего, ученые как-то не торопятся устранить это слово. Представляете, как бы они удивились суждению Окары о слове «атом»?

Замечу, что слова «западная цивилизация» Окара вряд ли назвал бы негодными для науки. Почему? Кстати, и здесь наблюдается элементарное нарушение правил дискуссии. Ведь предложено как условие обсуждения: «примем, что Россия — это цивилизация». В науке сплошь и рядом ведут рассуждения, которые начинаются с гораздо более жесткого условия: «предположим заведомо невозможное...». Но если человек не может принять исходных условий, лучше сразу сказать: эти допущения делают для меня дискуссию бесплодной, и я в ней не участвую.

Далее Окара утверждает, что «Россия — не цивилизация, как Китай или Израиль, а конгломерат цивилизаций». К чему все это? Как это относится к теме доклада? Да ведь и по сути неверно. Цивилизации — *большие системы*. Каждая цивилизация в большей или меньшей степени *гетерогенна*. Возьмите США — разве они не имеют иноцивилизационных включений? А сейчас иммиграционные нации Европы включают в себя растущий исламский компонент, и Запад становится гетерогенным. Он что, перестает быть цивилизацией, в отличие от Израиля?

Во всех случаях вокруг цивилизационного ядра собираются общности, в чем-то от ядра отличные или даже принадлежащие одновременно к разным цивилизациям. Вопрос в том, способно ли это ядро выполнять интегрирующую миссию. Разве малы были различия между католической Испанией и протестантской Голландией? Они вели между собой религиозные и цивилизационные войны, и все же имели и имеют достаточно признаков, которые их соединяют в Запад как большую цивилизацию. Нормально устроилась в западном мире и Греция, не утратив православных корней. Так и русские с башкирами или чукчами в российской цивилизации. Много у них общего — вполне достаточно, чтобы чувствовать себя не чужими друг другу.

Окара поднял вопрос о цивилизационной идентичности Украины и России. По его словам, «оранжевая революция —

это яркое явление, имманентное восточнохристианской цивилизационной идентичности, но совершенно невозможное в условиях российской политической системы». Но, говорится дальше, у России и Украины «разные социальности» и разные шансы модернизации: у Украины они есть («потому что там хаос»), а у России — нет (потому что тут нет хаоса). Это любопытные суждения, но к чему они здесь?

Кстати, в кулуарах коллеги высказывали мнение, что в социальной сфере на Украине дела идут лучше, чем в РФ. По моему, это мнение противоречит опытным данным. По большому числу показателей (но, правда, не по всем) социальная сфера на Украине «провалилась» сильнее. Так, произошло сильное отставание от России в уровне потребления ряда продуктов питания (например, мяса). Велико и отставание в строительстве жилья (см. рис. 1 и рис. 2).

Не могу согласиться и с утверждением, что «положение в России после 2000-х гг. практически не изменилось». На рис. 3 приведен показатель очень массивного процесса — производства промышленной продукции. Кризис еще не преодолен, но принципиальное изменение налицо.

Наконец, Окара не согласен с понятием «культурно-исторический тип» как носитель цивилизационного проекта. Нет, носителем такого проекта, как предлагает Окара, является «ведущий класс». Он поясняет: «Это класс, который выделяется не по признакам классовой принадлежности, а по каким-то энергетическим или пассионарным признакам». Действительно, круто — класс без признаков классовой принадлежности! Еще одно определение: это — «становой хребет нации». Просто и понятно, без всяких метафор.

Дальше я ничего не понял: что-то о субъектности станового хребта нации и об утрате им этой субъектности, о кинофильме «Асса» и кознях Кремля, о гайках и резьбе...

Д.С. Чернавский считает, что «власть тоталитарная всегда была адекватна российской цивилизации, а демократический

способ правления — неадекватен». Смело и свежо. Но откуда взялась сама дилемма «тоталитаризм или демократия»? Это ведь плод абстракции: в чистом виде ни тоталитаризма, ни демократии нет нигде, и сами понятия эти конъюнктурны и наполняются содержанием из их контекста. Поэтому сказать, что Россия обречена или на тоталитаризм, или на демократию — это значит ничего не сказать. Важна конфигурация той системы, которая должна быть в каждый исторический период подобрана адекватно культуре, самосознанию людей, угрозам. Вот о чем речь. А как ее назвать и как внутри комбинировать разные механизмы — это уже вопрос «инженерный».

Теперь о вреде «нечеткости». Д.С. Чернавский видит опасность (!) наших семинаров в том, что мы о неизбежности тоталитаризма не заявляем четко. А из-за нечеткости «в обществе возникает растерянность, неуверенность и недоверие к государству и государственному аппарату». Он призывает «хотя бы между собой договориться и ответить четко на этот вопрос». Но, уважаемый Дмитрий Сергеевич! Как же нам договориться, если у нас на этот счет разные мнения?

А можно ли вообще требовать сейчас четкости? Мы сегодня находимся в состоянии очень высокой неопределенности. Зона неопределенности огромна. И наш язык, и наши рассуждения должны быть адекватны этой реальности. Не нужна излишняя четкость в ситуации, когда вы не можете ни дать четкого определения процессам, а лишь туманно их описываете через содержательные примеры, ни точно измерить параметры, ни найти хороших индикаторов, надежно связанных с важными для нас латентными переменными. Здесь необходима именно эта *нечеткость*. Так же, как необходима нечеткость курса паруснику, идущему галсами при меняющемся ветре.

Кстати, Д.С. Чернавский сам обвинил Горбачева в том, что он четко объявил о гласности, когда «к этому не были готовы ни российская цивилизация, ни российское общество». Из-за этого, дескать, и рухнул СССР. Д.С. Чернавский очень

добр к Горбачеву, но, главное, немножко противоречит сам себе.

В общем, нечеткость и недосказанность — цивилизационный ресурс России, и он еще себя проявит.

На этот ресурс мне указал В.В. Кожин. Он обратил мое внимание на глубокое стихотворение еврейского поэта-эмигранта Льва Лосева. В стихотворении собеседник лирического героя со страстью обличает все мерзости «российского духа», но суть — в концовке, в том, как он прячет «что-то главное», о чем здесь не будем говорить. Вот отрывки:

«Понимаю — ярмо, голодуха,
тыщу лет демократии нет,
но худого российского духа
не терплю», — говорил мне поэт.

«Эти дождички, эти березы,
эти охи по части могил», —
и поэт с выраженьем угрозы
свои тонкие губы кривил.

.....

Оскорбительны наши святыни,
все рассчитаны на дурака,
и живительной чистой латыни
мимо нас протекала река.
Вот уж правда — страна негодяев:
и клозета приличного нет», —
сумасшедший, почти как Чаадаев;
так внезапно закончил поэт.
Но гибчайшею русскою речью
что-то главное он огибал
и глядел словно прямо в заречье,
где архангел с трубой погибал.

А.В. Шубин начал с метафоры корабля как аналога цивилизации. Особой роли эта метафора в докладе не играет, про-

сто упрощает выделение блоков для анализа. Но, согласно А.В. Шубину, этот образ позволяет ему, как психоаналитику, заглянуть в подсознательное — «образ корабля характеризует не реальность, а мышление». Этот образ якобы мог возникнуть только в механистическом мышлении, это регресс в познавательных средствах по сравнению с образом цивилизации как организма. Взамен А.В. Шубин предложил использовать образ Гольфстрима: цивилизация похожа на него тем, что «ни тебе оружия, ни руля, ни даже капитана». Думаю, он пошутил.

А.В. Шубин видит в корабле только *машину* (а «цивилизация — это социум»). Это — искажение аналогии, достаточно посмотреть доклад.

Корабль — не машина, а сложная *социально-техническая система*. Можно ли представить себе корабль без команды? А что такое капитан, который прокладывает курс и контролирует эту команду, — это разве машина? Так что критику аналогии я считаю слабой. Сам я, повторяю, большой ценности в этой аналогии не вижу, но аргументы А.В. Шубин неадекватны ее слабостям, потому и комментирую.

Теперь про то, что эта метафора позволяет поставить диагноз «нашему мышлению». Оказывается, оно проникнуто «этатизмом и индустриализмом». «Изм» — это, конечно, подозрительно, а тут даже два «изма». Но отбросьте эти суффиксы, они всего лишь ярлыки, выражающие негативное отношение. Ну, и что останется? Чем плохо, что мы говорим об индустриальном обществе и о государстве?

Ну, скажите, что «цивилизация — это Гольфстрим». Только удивите людей, а познавательная ценность этой аналогии если и обнаружится, то лишь в каких-то очень специфических срезах объекта. Например, если мы вздумаем развить тему: «Почему цивилизации тянутся к Европе, как Гольфстрим?» или «Почему цивилизованность, подобно Гольфстриму, никак не достигнет России?»

Не могу принять следующий тезис: «Когда корабль переворачивается, это не всегда плохо. Это может быть и целеб-

но для цивилизации». Врач, назначение которого лечить, не должен брать на себя роль судьи и рассуждать, а не будет ли *целебной*, с точки зрения высших ценностей, смерть этого пациента.

Мы здесь выполняем долг врача в момент болезни нашей цивилизации и государства. Он аналогичен долгу инженера, цель которого — увеличить живучесть корабля. Не его дело решать, заслуживает ли этот корабль остаться на плаву или его лучше утопить. Да, много людей в СССР мечтали уничтожить «империю зла». Такие люди бывают и на корабле. Но они «в кругу специалистов по живучести» не говорят, как полезно было бы перевернуть и утопить корабль. Для этого у них есть другие собрания.

Люди верили Горбачеву как «капитану», а он заявил: «Историческую задачу мы решили: тоталитарный монстр рухнул». И такое мышление верховного правителя страны приветствуется? Это и называется «целебно»?

А.В. Шубин считает, что из метафоры корабля «вытекают некоторые идеологические выводы». Во-первых, «враждебность миру, потому что в мире вокруг нас одни угрозы — вода, которая нас может утопить».

Да откуда это следует, что за странная идея? Корабль — творение культуры, которое соединяет континенты и людей в один мир и в одно человечество, — объявляется символом *враждебности миру!* Мне это кажется чрезвычайно странным. Я поражен!

В докладе говорилось об угрозе отказа машины или радиолокатора, о неумении или бунте команды, об ошибках или измене капитана — все это «внутренние угрозы». У моряков нет и не может быть ненависти к морю и воде. Внешние угрозы, порождаемые морем, льдами и скалами, — штатная ситуация. Цивилизации гибнут в результате внутренних слабостей — вот главный тезис доклада!

Вспомним доклад. Вот что сказано о фатальных угрозах для нашей цивилизации:

- «Живучесть СССР как цивилизационной ипостаси России была подорвана ошибочными (или вредительскими) действиями капитанов и офицеров корабля».
- «Непрерывная работа по *предвидению* и *конструированию* будущего — индикатор жизнеспособности цивилизации. Функция предвидения, в том числе функция распознавания угроз, угасала в 1970-е гг.».
- «Удалось выработать технологию профанации самого мировоззренческого понятия «**вызов**». Более того, удалось воспитать у населения ненависть к большим мобилизационным программам **предотвращения угроз**».
- «Важным индикатором жизнеспособности цивилизации является выполнение функции *целесолагания*. Она также ставит цивилизацию перед вызовом — но не угроз, а *надежд*. Это — творение национальной апокалиптики того народа, вокруг которого собралась цивилизация... Когда атрофируется этот нерв, иссякает и жизнеспособность цивилизации».
- «*Дом, разделившийся внутри себя самого, не устоит*».
- «Целесолагание в России вырабатывается в рамках усеченной, вырожденной когнитивной структуры. Достаточно вспомнить о доктрине *деиндустриализации* России, которая... имела цивилизационное измерение и мощно повлияла на жизнеспособность России».
- «Смена культурно-исторического типа и предопределила резкую утрату жизнеспособности России как цивилизации».

В докладе внешние угрозы практически вообще не рассматриваются. А гляди, какие «идеологические выводы» возникают в подсознании, стоит только произнести слово «корабль». Так глубоко копнуть — большое и вечно живое искусство!

В заключение А.В. Шубин поднял, подобно Козьме Пруткову, проблему флюса. Цивилизационный подход — флюс, но и формационный — тоже, к сожалению, флюс. Хорошо

бы в докладах достичь баланса: сказал о цивилизационных кодах, скажи и о смене формаций. Все-таки два флюса не так противно.

Похоже, прогресс гуманитарного знания крепчает. Хочется плюрализма в одной голове. Я представил себе, как астрономы договариваются о балансе систем Птолемея и Коперника — и сразу поднялось настроение. Поэтому с благодарностью принимаю замечания А.В. Шубина. Конечно, с флюсами пора кончать.

Перехожу к выступлению С.С. Сулакшина. Прежде всего, я должен попросить прощения у него и всех участников — я действительно исказил объявленную тему доклада. Вина моя, но и бес, думаю, попутал. Я не нашел плана семинара, а почему-то у меня в голове застряла тема *жизнеспособности*. Я был настолько уверен, что даже и не усомнился. Эта тема перекрывается с заявленной, но не вполне. Думаю, если бы я и сделал доклад о критериях успешности, все равно огорчил бы коллег. Так что скажу о том, что уже случилось.

С.С. Сулакшин все же принял жизнеспособность цивилизации как критерий ее успешности. Точнее, как минимальный критерий: уж если цивилизация не выжила, то получай «неуд». Но если кто-то будет развивать эту тему, то я бы предложил рассматривать жизнеспособность не как критерий, а как *ограничение*. Это — иная категория, более фундаментальная, нежели категория критерия. Ограничение — это императив, условие, которое не может быть нарушено. Любой шаг ради успеха нашей цивилизации допустим только в том случае, если она этот шаг переживет. Успех может быть больше или меньше, но это все-таки успех, а гибель — это скачок в небывшие, разрыв непрерывности.

В этом смысле многие шаги реформ 1990-х гг. были непримлемы фундаментально, категорически, а не только с точки зрения интересов конкретных групп или из моральных соображений. Риск гибели цивилизации был вполне реален, и по-

лезно для нашей общей темы провести инвентаризацию тех ресурсов, которые позволили России *продержаться* и отойти от пропасти. Способность не просто выжить, а выжить в экстремальных условиях — особый важный критерий успешности. Леви-Стросс ставил в один ряд такие достижения ряда культур: использование Западом ископаемого топлива как источника энергии; способность эскимосов и бедуинов жить в экстремальных условиях; способность жить в Китае при очень высокой плотности населения и т. д. За всем этим — целые системы важных достижений.

В принципе, стоило бы наполнить содержанием все категории описания России как системы — цели, ограничения, параметры, индикаторы и критерии.

Я благодарен С.С. Сулакшину за методологическую поддержку. Я тоже считаю, что нам полезно было бы рассматривать наш объект в рамках разных, даже маловероятных граничных условий; важно только с самого начала их оговаривать. Ведь мы в России прямо на глазах, уже после войны, прошли несколько точек, в которых оказывались в ситуации выбора. Зная ход последующих событий, можно было бы «проиграть» последствия принятия альтернативных решений. Если бы мы, как на инженерных совещаниях, принимали заданные исходные условия и обдумывали именно это ограниченное пространство, мы получили бы уйму времени для «мысленных экспериментов».

А.И. Неклесса представил в своем выступлении широкую панораму, в которой тема доклада вообще потерялась. Но я не жалею об этом, поскольку интересно было его послушать. Тем более приятно, что я могу и своими репликами ответить. Пунктов очень много.

Во-первых, была поднята проблема *менталитета*. И высказаны, как говорится, «провокативные» суждения о якобы достоверно установленном сходстве «менталитета американцев и китайцев». А русские, вопреки ложным стереотипам

[видимо, навязанным православной и советской пропагандой?], оказались вовсе не коллективистами, а самыми заядлыми индивидуалистами, что и показала реформа. Вот где настоящий *homo economicus* и «человек человеку волк» — в России.

Откуда этот экстравагантный вывод? Было объяснено, что «социологические данные устойчиво показывают»!

Спорить тут было бы неуместно, А.И. Неклесса — признанный мастер парадоксов. Мне кажется, что он создал свою целостную когнитивную систему: стройный язык, красивый и возвышенный, но для непосвященных малодоступный; свой понятийный аппарат и способ отбора совокупности значимых фактов. Мы с ним видим реальность через призмы разных когнитивных систем — измеряем явления разной мерой и применяем разные нормы логики.

В 1990-е гг. западных социологов занимал вопрос: каким образом население постсоветских республик ухитряется выживать и даже воспроизводить основные структуры общества? Видимая система распределения доходов теоретически делала это невозможным. Были подключены российские социологи, издано довольно много работ. Реальность объяснялась возникновением густых сетей социальной взаимопомощи — системой неформального перераспределения денег и натуральных благ. В эти сети были включены и частные предприниматели, и преступный мир.

В середине 1990-х гг. большое число **частных** промышленных предприятий расходовали только на содержание жилищного фонда рабочих больше, чем весь их годовой доход. Ради этого они вынуждены были продавать оборудование. В свою очередь, рабочие по году и больше работали, не получая зарплату. Мониторинг предприятий в 1995 г. показал, что 68% предприятий увеличили затраты на жизненно важные для работников объекты социальной инфраструктуры (ЖКХ и медицинские учреждения). На 2/3 предприятий увеличились затраты и на содержание детских дошкольных

и оздоровительных учреждений. А ведь это был едва ли не самый трудный год.

Эти работы я соотносил с личным опытом и опытом моих друзей, а также со здравым смыслом, и приходил к заключению, что их выводы правдоподобны. А если так, я считал, что русским присущ высокий уровень коллективизма и взаимопомощи, а что там они отвечают на вопросы ВЦИОМ — менее существенно.

Я, например, видел в середине 1990-х гг., как группа мальчишек, протиравших стекла автомобилей у светофоров, набрав достаточно денег, бежали по переходу и залу метро и раздавали их нищим, равными долями. Пересчитывали, снижали долю, чтобы хватило примерно на всех, и бежали дальше. Я рассказал это социологам в Испании, и они решили, что в Европе этого в принципе не могло бы быть — это не пришло бы в голову никакой стороне.

Не буду приводить здесь эмпирические данные, позволяющие судить о характере и мере коллективизма русских (шире — «постсоветских»). Это значило бы открыть новую тему.

Так же обстоит дело и с противопоставлением соборности и коллективизма: «Соборность не есть коллективизм!» Золотые слова. Но я еще не встречал человека, который бы утверждал обратное. Считается, что это понятия неравноположенные, разного уровня, никто их и не отождествляет. Вообще, было бы интересно поговорить об антропологических моделях разных цивилизаций и культур, но ведь доклад был не об этом. Разве у нас есть сегодня время говорить о соборности?

А.И. Неклесса развивает свое представление о «странностях» России. Индивидуализм... Фронтирная ментальность... Склонность к экстриму... Все это очень интересно, особенно про фронт и экстрим. Но к чему это все? Какая связь с «кораблем» и живучестью? Мы говорим явно о разных вещах и двигаемся в разных плоскостях. Я фиксирую принципиальное различие когнитивных структур, в рамках которых мы с А.И. Неклессой подходим к предмету.

А.И. Неклесса считает, что неконструктивен сам замысел доклада, поскольку в нем речь идет в основном о *нежизнеспособности*. На мой взгляд, это казуистика, разные названия одного и того же явления. В критических ситуациях, которые и определяют порог живучести, дело решает способность устранить в системах те слабые места («прорехи»), в которых реализуются угрозы. Диагностика и устранение этих прорех как раз и является конструктивным подходом. Сейчас во многих системах России вывели источники латентных угроз, которые могут быстро реализоваться. Они пока стихийно нейтрализуются массовой «молекулярной» деятельностью людей. А требуется еще и их рефлексия, и методологическое обеспечение этой деятельности.

Можно сказать, что доклад плох, тема разработана слабо. Но считать неконструктивным сам *замысел* доклада мне кажется нелогичным.

А.И. Неклесса посетовал на то, что «он не понял, о чем идет речь в докладе». Мне тоже грустно, что он не понял. Скорее всего, виноват я — не учел его структуру восприятия. Тут еще омонимы запутали — «привели к логической невнятице». Надо было, наверное, для иллюстрации слайды привести из словаря или Википедии.

Далее. А.И. Неклесса категорически не согласен с тем, что цивилизация как система должна быть отграничена от внешней среды. Он говорит: «Настоящая жизнеспособность — это возможность активного взаимодействия с окружающим миром, ... а не отгораживание водонепроницаемыми переборками».

Тут он глубоко заблуждается. Преодолею мой механицизм подачи и предложу ему биологическую и социальную аналогии. Сможет ли он «активно взаимодействовать с окружающим миром», если с него снимут кожу или хотя бы одежду?

Возьмем семью. Разумно ли этой «ячейке социума» не отграничивать свое жилище от внешней среды дверью? Заходите, люди добрые! Никакой социум не может существовать без «занавеса». США строят по Рио Гранде каменную сте-

ну — «обшивку, непроницаемую для мексиканцев», а Россия должна сбросить все препоны, чтобы все в нее легко проникло и легко вытекало.

А.И. Неклесса говорит, что нежизнеспособна та страна, которая защищает свои пространства. Это гротеск. Да как можно не защищать, например, экономическое или информационное пространство? Есть формула: «Не является нацией страна, которая не контролирует собственные СМИ». Ну, пусть Церковь откроет свои алтари и амвоны для проповеди сатанистов! Запрещается запрещать! Вся власть всем! Господа, куда мы придем с такой логикой?

Любая система, а тем более живая или социальная, осуществляет обмен с внешним миром вовсе не «свободно». В ней всегда есть подсистема **активного транспорта**. Любой объект, проникающий извне, на границе системы встречает «рецептор». Он анализирует пришельца, «распознает» друзей и врагов и сообщает куда следует. Затем появляется «привратник» («переносчик»), который крепко берет пришельца за руку и проводит через серию КПП за крепостную стену. Дальше им занимаются другие службы. Так действуют и мембрана биологической клетки, и государственная граница с таможней. Люди, товары, идеи проникают в страну и культуру с помощью механизма активного транспорта, который «проводит» их через защитную оболочку. Мы не видим всех элементов этого механизма, но кроме глаз и пальцев есть и другие средства познания.

А.И. Неклесса видит в докладе «доминирование оборонного типа сознания, отдающего приоритет внешним угрозам над внутренними». Мне кажется, что к докладу это не имеет отношения, что я и объяснил подробно в ответе А.В. Шубину.

Несколько слов по поводу других реплик.

Почему-то возникло неприятие понятия «культурно-исторический тип», которое как будто принижает роль классов и вообще социальной структуры. Я говорил как раз о том, что концепция Данилевского не годится. Весь XX в. показал,

что соотношение цивилизации с этим «типом» очень динамичное. Непрерывно идут конфликты, смена культурно-исторических типов, вытеснение одного другим, образование их коалиций. Даже новое поколение изменяется в этом смысле и оказывается иным культурно-историческим типом.

О классовой структуре специально я не стал говорить. Но отметил, что сейчас главная причина нашего кризисного состояния в том, что «разобраны» все социальные общества. Например, произошло деклассирование рабочего класса — разве это не относится к классовой структуре общества? Из 12 млн организованных сельскохозяйственных работников осталось 1,9 млн. Остальные ушли в архаику на подворье. Разве здесь речь не о социальной общности? Или я должен был все проблемы поднять?

А.В. Шубин: Я не об этом говорил. Вы их характеризовали как надклассовые. Вот эти вещи, о которых вы говорили, и социально-классовые — они равноправны или одни важнее других?

С.Г. Кара-Мурза: В обществе, как системе, все общности важны. Что Вам нужнее — почка или легкие?

А.В. Шубин: Просто разные критерии оценки.

С.Г. Кара-Мурза: Так речь и идет о разных срезах общества. Я говорю больше о социокультурном срезе, о «надклассовых» общностях.

А.В. Шубин: Почему «над»? Может быть, межклассовой?

С.Г. Кара-Мурза: Какая разница! Надклассовый точнее, это как «надэтнический». Надклассовая общность рекрутируется из всех социальных слоев, а «межклассовая» — из тех, между которыми она болтается. Надклассовая не концентри-

руется, например, в среде рабочих или интеллигенции. Я специально привел пример Гражданской войны, где в оба лагеря были собраны активисты из всех социальных общностей.

Мещанство. Нельзя сказать, что мещанство — это средний класс. Мещанство — это именно культурно-исторический тип, который тоже таился во всех классах, хотя и в очень разных пропорциях. Среди аристократов меньше, а уже среди интеллигенции его присутствие стало очень заметным. Нельзя сказать, что мещанство — социальная группа. Вообще, слово «мещанство» очень неудачное, но лучше пока не нашлось. Да, раньше мещанство было сконцентрировано как отдельный социальный слой, но потом-то оно обрело мировоззренческую базу и характер активного общественного субъекта.

В ряде реплик проводилось сравнение Украины и России и говорилось, что положение Украины более благоприятно и открывает перед ней более широкие перспективы, чем для России. К этому вопросу мы подходим, видимо, с разных позиций. Я поясню свою точку зрения. Обе системы — Россия и Украина — конечно, больны. Но то, что говорилось о преимуществах украинской ситуации — свободы, многопартийность, — это все рябь на той огромной волне, которая всех нас накрывает, все постсоветское пространство. Это не те факторы, которые определяют сейчас нашу судьбу. Более того, «украинская» рябь, на мой взгляд, гораздо хуже российской. Я не представляю, что может быть благоприятного [для Украины!] в том культурном и национальном расколе, который искусственно создан на Украине, в нагнетаемой властью русофобии и вражде к России, в вытеснении русского языка. Легитимность власти очень низка. Какие все это открывает «перспективы модернизации»? Это даже перспективы сближения с Европой ухудшает, не говоря уж об угрозе провинциализации культуры, оторванной от общего цивилизационного корня. Это, впрочем, дело критериев.

Теперь о преемственности с советским строем. Конечно, очень многие элементы советской системы сохраняются и

сегодня. Даже можно сказать, что и сейчас мы живем в советском строе, в котором господствующее положение занял «антисоветский культурно-исторический тип». По своему внутреннему устройству предприятия пока мало изменились от того, что там сменился собственник. И живем мы на тех же самых больших системах. Возьмите теплоснабжение — огромная система, и ее никак не могут переделать! Все пытались переделать, начиная с 1990-х гг., но ни одной большой системы переделать не смогли. Мы живем на деформированных, уродливых советских системах. И они пока влияют на мышление, способ действия и поведения. Но долго ли прослужат эти изуродованные системы, долго ли сохранятся полученные в советское время культурные нормы, квалификация и пр.? Дегградация всех систем — материально-технических и духовных — продолжается, строительство запаздывает и, в целом, равновесие неустойчиво.

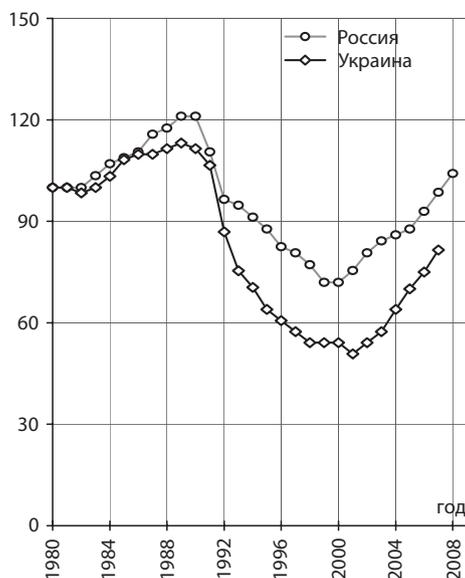

Рис. 1. Индексы потребления мяса в России и на Украине (1980 г. = 100)

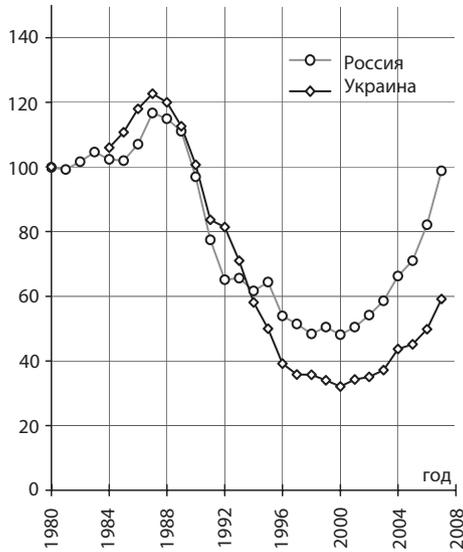

Рис. 2. Индексы жилищного строительства в России и на Украине (1980 г. = 100)

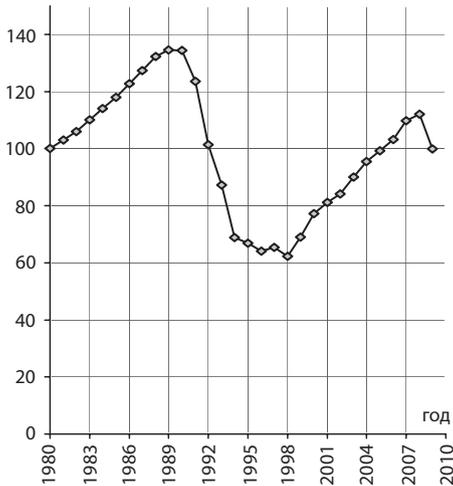

Рис. 3. Объем производства промышленной продукции в России (в сопоставимых ценах, 1980 г. = 100)